

ВОСПОМИНАНИЯ И. Е. ЦВЕТКОВА, 1874

Публикация И. С. Зильберштейна

У Тургенева было немало друзей, но еще значительнее количество людей, с которыми он только встречался и беседовал. Многие из них оставили свои воспоминания о писателе. Однако далеко не все мемуарные и дневниковые записи такого рода обнаружены и напечатаны. Об этом свидетельствует, в частности, тот факт, что для настоящего тома удалось собрать и впервые обнародовать записи девяти мемуаристов о встречах и беседах с Тургеневым. Эти записи относятся к разным периодам его жизни на протяжении сорока пяти лет — с 1838 по 1883 год.

1

В огромной литературе о Тургеневе имя Ивана Евмеевича *Цветкова* (1845—1917), автора печатаемых здесь воспоминаний, ранее не упоминалось. Он встретился с писателем лишь однажды в доме общих друзей — композитора Владимира Никитича Кашперова, в позднейшие годы профессора Московской консерватории, и его жены Адели Николаевны. Но эта единственная встреча оказалась такой содержательной и так превосходно запечатлена Цветковым, что воспоминания о ней будут с интересом прочитаны не только исследователями, но и широкими кругами читателей.

Сын бедного священника, Цветков с трудом добился осуществления своей мечты — получить высшее образование. В 1873 г. он окончил математический факультет Московского университета, а в следующем году поступил на должность бухгалтера в Московский земельный банк. Вскоре Цветков занял здесь видное положение, а в 1895 г. стал председателем оценочной комиссии банка.

В конце 70-х годов, обладая лишь минимальными познаниями в области русского изобразительного искусства, Цветков становится коллекционером-любителем рисунков русских художников. И так как у него тогда не было серьезных конкурентов, в сравнительно короткий срок Цветков собрал замечательную коллекцию¹. Видное место в ней занимали листы, относящиеся к концу XVIII — началу XIX вв. Среди них были подлинные шедевры. Достаточно сказать, что Цветкову удалось достать пленительной прелести эскиз, исполненный В. А. Тропининым в 1827 г. итальянским карандашом с натуры для известного портрета Пушкина. В дальнейшем Цветков собирал и произведения, исполненные маслом. А когда в 1909 г. он принес в дар городу Москве свою коллекцию, в ней было 1200 рисунков и 300 картин. Вот что было сказано в связи с этим в одной газете: «Оценить на деньги дар Цветкова не представляется возможным. Во всяком случае, на него было затрачено не меньше миллиона рублей»².

После 1917 г. эта коллекция была преобразована в Государственную Цветковскую художественную галерею, развернутую в доме, построенном для этой цели дарителем. О лучших творениях 404 русских художников, представленных в этой галерее, рассказал ее хранитель А. В. Бакушинский³. Но, к сожалению, в 1926 г. Цветковская галерея была закрыта, а ее экспонаты переданы Третьяковской галерее.

Следует сказать, что вкусы Цветкова были ограниченными и дальше передвижников он не шел. Художник В. В. Переплетчиков так охарактеризовал его: «Цветков действительно любитель искусства, он неутомимо, по силе своих средств, собирает рисунки, картины; он особенно любит жанристов. Только одна беда, понимание его дошло до 80-х годов XIX столетия и ни ну, ни тпру. Все новое, хорошее, понимается им очень туго, лучше сказать, совсем не понимается. Но любит по-своему и художника и картины»⁴. К молодым художникам Цветков относился безучастно. Вот что пишет по этому

поводу Я. Д. Минчиков: «Как ни интересовался Иван Евменьевич искусством, какое бы внимание ни уделял художникам, биографиям и мелочам их жизни — все же художник поддержки от него не мог ожидать никакой, особенно из молодых, хотя бы и талантливый. Он признавал только установившееся в его время направление в искусстве и ничего нового предугадать не мог. К молодым силам относился полупрезрительно и не церемонился по отношению к ним в выражениях»⁵.

В 1899 г. Цветков был выбран Московской городской думой в Совет Третьяковской галереи для того, чтобы В. А. Серов, И. С. Остроухов и А. П. Боткина-Третьякова, люди передовых воззрений в вопросах искусства, не могли по собственному усмотрению решать вопросы, связанные с приобретениями для галереи. Цветков доставил им немало волнений на протяжении шести лет его деятельности в Совете галереи. Когда он со своим единомышленником Н. П. Вишняковым вышли из Совета, Серов, делаясь своей радостью с Боткиной, писал: «Это единственно благородный до сих пор поступок с их стороны»⁶. Сам Цветков так объяснял свой выход из Совета галереи: «Я люблю школу реалистическую и всегда был против уродливого декадентства <...> Когда начали покупать для галереи картины с явно декадентским направлением, я предпочел лучше уйти, чем участвовать в собирании недостойных вещей»⁷.

Цветков пользовался известностью в художественных кругах России: он был действительным членом Академии художеств, председателем Московского общества любителей художеств, а затем его почетным членом⁸.

2

Вряд ли Цветков был большим любителем литературы. Естественно предположить, что диапазон его интересов в этой области был не широк. Вот, например, что пишет Цветков в своих воспоминаниях о пребывании в 1872 г. в Женеве: «Узнавши, что в табачном магазине эмигранта-поляка Столковича помещается целая библиотека русских запрещенных книг, я познакомился со Столковичем и с большой жадностью начал вкушать эти запрещенные плоды. Но плоды эти очень скоро мне надоели, набили оскомины. Единственно, что мне показалось очень интересным — это записки Герцена под названием „Былое и думы“ и особенно его роман „Кто виноват?“, который приводил меня в восторг»⁹.

Бывая у Кашперовых, Цветков мог здесь нередко видеть литераторов, со многими из которых композитор и его жена издавна поддерживали хорошие отношения. К числу близких знакомых принадлежал и Тургенев, с которым Кашперовы познакомились в Париже в декабре 1856 г., по рекомендации Герцена. Спустя несколько недель — в январе 1857 г. — они вновь встретились с Тургеневым в Берлине, на квартире М. И. Глинки, в ту пору тяжело болевшего¹⁰.

19 февраля 1860 г. Тургенев поместил в «С.-Петербургских ведомостях» сводку рецензий, в которых итальянская пресса высоко оценивала поставленную в Милане оперу Кашперова «Мария Тюдор», и сопроводил эту сводку положительным отзывом о таланте композитора. Сохранившаяся переписка их (семь писем Тургенева и одиннадцать Кашперова) относится к 1857—1864 гг.

Цветков вспоминает, что встретился с писателем у Кашперовых «как-то в субботу в июне 1874 года». Можно с точностью назвать день встречи, — это было 1 июня, в Москве¹¹.

Произведение Тургенева, о котором шла речь во время беседы в доме композиторов, — роман «Новь». И позже Тургенев не раз выражал сомнение в том, придется ли ему завершить эту работу. Вот, например, что он писал 1/13 августа 1874 г. из Карлсбада М. В. Авдееву: «Жалею, что не успел окончить своего большого труда <„Новь“>; в нем было, сколько мне кажется, кое-что дельное. Но, впрочем, беда не большая: другие скажут, что я хотел сказать...» И лишь в январе 1876 г. Тургенев писал П. Гейзе: «Все время вожусь с большим романом <„Новь“>, но никак не доведу его до конца, может быть удастся окончить в этом году». И действительно, в конце сентября того же 1876 г. Тургенев сообщил Стасюлевичу, что окончательно переписал «Новь» и скоро отправит рукопись для напечатания в «Вестник Европы».

Очень интересны записанные Цветковым слова Тургенева о том, что работу над «Новью» вдохновляло желание мстить «обскурантам, перебежчикам, ренегатам».

Любопытны высказывания Тургенева о том, как он работает над образами своих героев.

Интересно сказанное им о том, как реагировали на роман «Отцы и дети» и молодежь, и старшее поколение, а также о большом успехе, выпавшем на долю этого романа в Соединенных Штатах Америки¹².

Но, пожалуй, самое драгоценное в воспоминаниях Цветкова — записанные им мысли, высказанные Тургеневым относительно того, какую он избрал бы себе специальность, если бы мог заново начать жизнь: «Я выбрал бы карьеру пейзажиста. Карьера пейзажиста мне нравится больше всех известных карьер. Пейзажист не зависит ни от издателя, ни от цензуры, ни от публики; он — вполне свободный художник. В природе так много прекрасного, что сюжет всегда для него готов, готов целиком. Умей только выбрать его. Расправь свой холст, бери краски и пиши. Лгать тут не нужно».

Известно, что Тургенев бесконечно любил природу и почти в каждом из своих произведений любовно и проникновенно описывал ее. Недаром Ипполит Тэн называл Тургенева «совершеннейшим из пейзажистов»¹³, а Лев Толстой говорил о его описаниях природы: «Они удивительны; ничего лучшего ни в одной литературе не знаю»¹⁴.

Самыми любимыми Тургеневым художниками-пейзажистами были барбизонцы. Прежде всего, роднило его с этой группой мастеров благоговейное отношение к природе. Барбизонцы, несомненно, привлекали Тургенева утонченной простотой сюжетов. Лирические пейзажные зарисовки, занимающие огромное место в «Записках охотника», созвучны творениям барбизонцев, для которых «пейзаж был не декорацией, а известным состоянием души». Поэзия будничной природы в полотнах Теодора Руссо и его товарищей гармонировала с пейзажами в произведениях молодого Тургенева. «Сочетанием воздуха и света с тем, что оживлено воздухом и озарено светом, я хочу добиться, чтобы слышно было, как стонут деревья при северном ветре, как птицы зовут птенцов», — вот о чем мечтал Руссо. Так же как и Руссо, Тургенев отказался от искусственного «классического» пейзажа; оба они пытались создать пейзаж, непосредственно передающий не только природу, но и чувства, вызываемые в них природой. Недаром Рихард Мутер, желая отыскать в беллетристике параллель пейзажу Руссо, из всей сокровищницы произведений мировой литературы мог назвать произведения одного лишь Тургенева. Там «все так свежо и ясно, как будто не прошло через посредство пера, а прямо вышло из лесов и степей», — писал Мутер о «Записках охотника», подчеркивая близость в изображении природы у Теодора Руссо и Тургенева¹⁵.

Характерно, что, распродав в 1878 г. свое собрание картин, Тургенев оставил у себя из произведений барбизонцев пейзаж Теодора Руссо. За несколько месяцев до смерти в пространных письмах к Я. П. Полонскому Тургенев объяснял сущность и значение творчества Коро и Руссо: «Что касается до Руссо — то вся ошибка твоя состоит в том, что ты хочешь видеть в нем окончательную картину, а это эскиз, студия* (домик даже так и остался неоконченным), но студия гениальная, особенно дорогая для живописцев, потому что в ней сохранилась вся поэтическая свежесть и сила первого впечатления» (письмо от 1/13 сентября 1882 г.).

Эту же картину имеет в виду французский литератор Мельхиор де Вогюз, описавший свою беседу с больным Тургеневым. Узнав о смерти генерала Скобелева, Тургенев сказал: «Скоро я последую за ним». «Глядя на это тело, изможденное жестокими страданиями, — пишет далее Вогюз, — я почувствовал, что он говорил правду. Вся жизнь как будто отхлынула и сосредоточилась в голове, великолепной и увенчанной лесом белых волос, которые он порою встряхивал гордым движением раненого льва. Глаза его часто останавливались на картине Руссо, которую он любил больше всех, потому что Руссо понимал одинаково с ним душу и силу природы: старый, лишенный верхушки дуб, изможденный годами, потрясаемый декабрьскими ветрами, которые развевают его последние порыжелые листья. Между этой картиной и этим благородным стариком была словно братская связь, была одинаковая покорность приговорам судьбы»¹⁶.

* Тут — эюд. — И. З.

Сохраненное Цветковым утверждение писателя, что он хотел бы родиться художником-живописцем, как-то по-новому освещает тему «Тургенев и живопись». В моей книге «Репин и Тургенев» (1945) я довольно подробно останавливался на отношении писателя к русским художникам и французским пейзажистам. Но тема эта далеко еще не исчерпана. И я надеюсь осветить ее в одной из ближайших своих работ «Тургенев и изобразительное искусство». В такой же мере мечтаю завершить давно начатую мною книгу «Тургенев-рисовальщик», — как известно, он принадлежал к числу тех великих русских писателей, которые неплохо рисовали.

Воспоминания И. Е. Цветкова печатаются по автографу ЦГАЛИ, ф. 904 И. Е. Цветкова), оп. 1, ед. хр. 22.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ И. И. Янжул. И. Е. Цветков. — «Русская старина», 1911, № 2, стр. 331.

² «Новая художественная галерея». — «Раннее утро», 1909, № 99, 1 мая.

³ А. Бакушинский. Живопись и рисунки XVIII—XX столетий в Цветковской галерее. М., 1925.

⁴ В. В. Переплетчиков. Дневники. Не изданы; хранятся в ЦГАЛИ.

⁵ Я. Д. Минченков. Воспоминания о передвижниках. Л.—М., 1965, стр. 298.

⁶ Из письма В. А. Серова к А. П. Боткиной от 11 марта 1905 г. — Не издано. — Отдел рукописей Третьяковской галереи.

⁷ Н. С—к о. Цветковская галерея. — «Русское слово», 1909, № 176, 1 августа.

⁸ «Только любовь к картинам, своим и чужим, собирание картин составляют для меня высочайшее наслаждение и нравственное успокоение; здесь все мои душевные радости, которыми жива душа моя. Любовь к искусству есть страсть самая сильная и самая продолжительная из всех страстей, присущих человеческому сердцу», — писал И. Е. Цветков брату П. Е. Цветкову 8 июня 1890 г. (не издано. — ЦГАЛИ, ф. 901, оп. 1, ед. хр. 57, л. 98—98 об.).

⁹ И. Е. Цветков. Воспоминания (на рукописи его пометка: «Написано по просьбе И. И. Янжула в 1909 г. как материал для моей биографии»). Не издано. Хранится в ЦГАЛИ.

¹⁰ В. Н. Кашиперов. Воспоминания о М. И. Глинке. — «Русский архив», 1869, № 7-8, стб. 1141—1142.

¹¹ В начале мая 1874 г. Тургенев отправился из Парижа в Петербург и, прожив здесь три недели, приехал 28 мая в Москву, где оставался до 4 июня. Суббота приходилась на 1 июня. Возвращаясь из Спасского в Москву, Тургенев провел здесь всего четыре дня (с 28 июня до 2 июля), но навещать никого не мог, так как острые приступы подагры почти лишали его возможности двигаться. Поэтому естественно предположить, что Кашиперовых Тургенев навещал в 1874 г., в первый свой приезд в Москву.

¹² О том, что роман «Отцы и дети» получил широкое признание в США, Тургенев узнал летом 1873 г. в Карлсбаде. Вот как передает Н. А. Островская в своих воспоминаниях рассказ мужа: «Я зашел к нему справиться о здоровье... Перед ним куча писем; говорит, что был болен, да теперь выздоровел, а сам так и сияет. Письма эти все из Америки с выражением восторга к его таланту. Переводчик и издатель его сочинений в Америке (Брет Гарт, кажется) пишет, что издание разошлось быстро, и посылает почтенный куш денег. Один какой-то критик говорит, что американцам особенно нравятся „Отцы и дети“, потому что в Базарове они находят что-то американское» («Воспоминания о Тургеневе Н. А. Островской». — «Тургеневский сборник». <Пг., 1915>, стр. 102). Подробно о связях Тургенева с деятелями США см. в моих комментариях к публикации дневника Тургенева за 1882—1883 гг. — «Лит. наследство», т. 73, кн. 1, стр. 402—405.

¹³ Статья Ипполита Тэна в «Journal des Débats», 1875, 19 февраля; см. Л. Пумпянский. Тургенев и Запад. — Т. Сб. Орел, 1940, стр. 103.

¹⁴ В. Лазурский. Дневник. Пред. и прим. К. Шохор-Троцкого. — «Лит. наследство», 1939, т. 37-38 (второй толстовский том), стр. 450.

¹⁵ Р. Мутер. История живописи в XIX веке. Пб., изд-во «Знание», 1900, т. II, стр. 244.

¹⁶ M. V o g u é. Le roman russe. Paris, Plon, p. 198—199; ср. «Иностранная критика о Тургеневе». Спб., 1884, стр. 136.

ВСТРЕЧА С И. С. ТУРГЕНЕВЫМ

Раз как-то в субботу в июне (18)74 года прихожу я к Кашперовым¹. Встречает меня в передней Адель Николаевна и тихо говорит: «Вы пришли к нам на Тургенева». Я ответил, что я знал, что у них в этот день и час обещал быть Тургенев, и что за тем собственно и шел, чтоб его посмотреть и, если удастся, послушать. Вхожу в гостиную. Полумрак. Кашперов читает либретто своей новой оперы «Боярин Орша», перед ним сидит массивная фигура Тургенева. Кашперов знакомит меня с ним и возобновляет чтение. Я сел сбоку Тургенева и стал рассматривать его с головы до ног. Я не знаю, не припомню ни одной наружности старика, которая была бы так величественна и так почтенна, как наружность Тургенева. Иван Сергеевич огромного роста, прекрасно сложен; голова громадная, украшенная роскошными, густыми и длинными серебряно-седыми волосами, напоминает голову льва; лицо открытое, окаймленное снежно-белой бородою, с прекрасными добрыми глазами^{1*}. Говорит он поразительно высоким тенором. Разговор касался сценических условий будущей оперы Кашперова, разговор, довольно неинтересный для меня, да, как мне показалось, и для самого Тургенева. По окончании этого чтения мы перешли в столовую пить чай. Здесь Тургенев высказал, что пишет новый роман, очень большой, и уже около трети его написал.

— Жаль только, что писать как-то некогда. Уж слишком жизнь-то цивилизованная меня поглощает. Вы не поверите, встаешь и не видишь как проходит день. Право, как-то ложусь я спать в 12 часов и спрашиваю: неужели опять ночь, неужели больше часу прошло с того времени, как я вчера ложился спать? Так быстро проходит время. Ужасно досадно, если мне не удастся докончить этот роман. И знаете, что подмывает меня продолжать этот роман, это — месть.

— Иван Сергеевич! Вы ли это говорите, — заметила Адель Николаевна.

— Да, Адель Николаевна, месть, месть этим Лонгиновым, Катковым и прочим обскурантам, перебежчикам, ренегатам. Мне очень досадно, что в последнее время меня так обругали в «Русском вестнике»², досадно именно потому, что теперь, когда я выведу их из мрака к свету, они скажут: «Это он на нас клеветает в отместку за нашу ругань». Но словом уверяю вас, что обрисовал я их гораздо раньше их ругани.

— А скоро надеетесь выпустить ваш роман? — спросил его Кашперов.

— О, вряд ли. Затянулся он как-то, забросил его, даже листы уж пожелтели... Что прежде было мне ясно, наглядно, теперь, с течением времени, потускнело. Разве вот теперь снова позапасусь^{2*} впечатлениями и наблюдениями.

— Ну и как, какое впечатление производит на вас настоящая русская жизнь?

— Как вам сказать, теперь привести в известность эти наблюдения, эти впечатления очень трудно. Мне кажется, ни с чем наблюдающего человека нельзя так верно сравнить, как с итальянской систерной, в которую стекает все, что попало. В первое время получается какая-то муть

^{1*} *Вариант описания внешности Тургенева:* Представьте себе человека огромного роста, косая сажень в плечах, высокая, как гора, грудь, [прекрасное] симпатичное лицо с прекрасными, умными и добрыми глазами, лицо, окаймленное снежно-белой бородой.

^{2*} *Первоначально:* понаберусь

и грязь и только тогда, когда все это уляжется, отстоится, — можно сказать, с чем имеешь дело. Русская жизнь, без сомнения, произвела на меня впечатление; но какого рода оно, это вполне уяснится для меня только потом.

— А напрасно вы так затягиваете вашу работу. Вы бы этого не делали, если бы знали, с какою жадностью читается здесь все, что выходит из-под вашего пера.

— Ну, право, в последнее время вряд ли было что интересного. Это были большою частью отрывки.

— А «Вешние воды»?

— Что же «Вешние воды»? «Вешние воды» — это сцены, мало имеющие общего с русской жизнью^{3*}. От русской жизни я отстал; я не знаю, какие идеалы в настоящее время у русского человека, особенно у русской молодежи. Я не знаю вас, молодежь, — сказал Иван Сергеевич, обращаясь к старшим детям Кашперова.

— Отчего же вы не едете сюда в Россию? — спросил его Кашперов. — Стали бы работать...

— Такова, должно быть, судьба русского человека^{4*}; что он ни делает, как он ни парит, а в конце концов иль соплется, иль зайграет в карты, иль уедет за границу, словом, так иль иначе пропадет. Мне очень хотелось бы приехать сюда пожить, да^{5*} вряд ли это удастся. Да и жар-то литературный уж пропадает. Правда, говорят, что с уничтожением какого-нибудь дурного качества в человеке необходимо уничтожается какое-нибудь соответственное и качество хорошее. Так в прежнее время мне нравилось, когда меня хвалили в печати. Из желания похвал, из желания отличиться (чувства, согласитесь, не вполне почтенного^{6*}) я работал и работал очень много. Теперь это чувство во мне почти пропало: я почти равнодушен стал к похвалам и порицаниям печати, стал в этом отношении почти на христианскую высоту, но вместе с этим пропала и энергия в работе.

Затем Адель Николаевна начала допытывать его насчет тайны творчества, насчет поэтического вдохновения. Иван Сергеевич на этот вопрос ответил так:

— В большинстве случаев я списывал с натуры. Конечно, я не мог списывать целого типа с одного человека. Одну черту берешь с одного, другую подходящую берешь с других. Замечательно, многие скверные черты я брал с людей, которых я просто обожаю; многие гадкие черты брал у самого себя, поймал^{7*} этакую гадину и припилишь: «на, мол, вот тебе». Конечно, не обходилось и без чистой выдумки, особенно, когда дело касается чувств; возьмешь и расширишь себя: «И невольная слеза катится с глаз» и тому подобное. Этого, конечно, так рано не следовало бы знать молодым людям, — прибавил Иван Сергеевич, обращаясь к детям Кашперова; — идеалы не были; но без них жить нехорошо, тяжело жить без них.

В дальнейшем разговоре Иван Сергеевич высказался, что карьера писателя ему не нравится. «Литератор, — сказал он, — прежде всего лгун; затем, в какой страшной зависимости он и от издателя, и от цензуры, и от почтеннейшей публики». Зависимость от публики Иван Сергеевич развивал таким образом: «Написал я Базарова. Поднялся гвалт: не только старички, но и молодое поколение отнеслось ко мне враждебно». При этих словах я не мог удержаться, чтоб не возразить Ивану

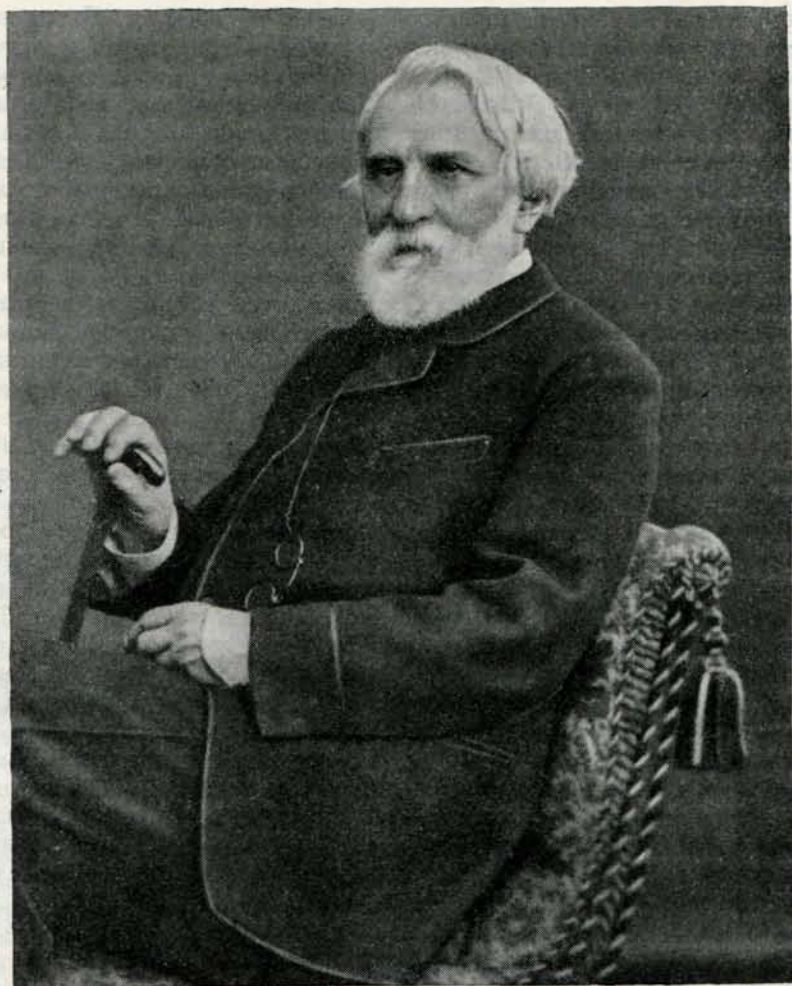
^{3*} Далее зачеркнуто: Я отлично знаю, что

^{4*} Первоначально: русских людей

^{5*} Далее зачеркнуто: нельзя

^{6*} Первоначально: хорошего

^{7*} Первоначально: возьмешь

ТУРГЕНЕВ

Фотография С. Л. Левицкого. Петербург, 1880

Литературный музей, Москва

Сергеевичу, что молодежь никогда не относилась враждебно к нему, а за Базарова в особенности. Внимательно, любезно выслушав меня, Иван Сергеевич согласился со мной и продолжал так:

— Но старички или бранили меня ужасно, или уж так хвалили, что не дай бог никому слышать таких похвал. Я как-то раз обедал в Английском клубе. После обеда подходят ко мне несколько старичков и один из них генерал, и начинает беззубо чамкать: «Позвольте, милостивый государь, заявить вам нашу сердечную признательность за то, что вы в вашем последнем романе так прекрасно отделали этих нигилистов» и т. д. Вы представить себе не можете, в какое иступление привела меня эта генеральская демонстрация; я готов был просто избить их, беззубых. Я не хочу сказать, что в жизни писателя не бывает радостей. О, нет, радости бывают, и радости высокие. Так, в последнее время я получаю от своих друзей в Америке известия, что моему Базарову очень повезло в Американских штатах, что его там читают с увлечением, особенно колонисты. От людей, мне мало знакомых, я узнаю, что в одном

западном штате колонисты называли даже свою общину «Базаров». Ничего нет мудреного, что со временем эта община обратится в значительный американский город «Базаров». Но самым убедительным образом доказал мне мой успех в Америке один американский издатель. Этот издатель, не известный мне до того времени даже по имени, присылает мне письмо, в котором пишет, что он от изданий моих сочинений столько приобрел, что считает своею нравственною обязанностью поблагодарить меня и просит принять от него 1000 франков в презент. Я знаю, как ценит деньги американец, и если этот американец считает своею нравственною обязанностью благодарить какого-то автора в Европе, которого он никогда не видал, и, по всей вероятности, никогда не увидит, с которым быть в хороших отношениях ему нет никаких интересов, если этот американец присылает 1000 франков, то можно быть уверенным, что его издания моих произведений идут хорошо! Здесь факт говорит убедительнее дружеских писем.

— И после такого успеха не только в России, но и даже в Европе и Америке вы не довольны вашей карьерой писателя? — возразил ему Кашперов.

— Да, карьерой писателя я недоволен. И если бы можно было войти в утробу матери и родиться снова, если бы можно было снова выбирать себе карьеру, я не выбрал бы карьеры писателя; точно так же как не выбрал бы карьеры композитора, ученого, адвоката, генерала. Я выбрал бы карьеру пейзажиста. Карьера пейзажиста мне нравится больше всех известных карьер. Пейзажист не зависит ни от издателя, ни от цензуры, ни от публики; он — вполне свободный художник. В природе так много прекрасного, что сюжет всегда для него готов, готов целиком. Умей только выбрать его. Расправь свой холст, бери краски и пиши. Лгать тут не нужно. Напротив, чем вернее^{8*}, точнее схватит^{9*} он лежащую пред его глазами картину природы, тем его собственная картина будет выше, совершеннее. А самый-то процесс этого творчества — тихий, без увлечений, но в то же время дающий человеку самое высокое, самое чистое наслаждение.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сын поэта А. Н. Плещеева — А. А. Плещеев вспоминал о семье Кашперовых: «Один из (...) маленьких домов, куда любили заглянуть на „огонек“ и где хозяйка встречали гостей с сердечным радушием, находился у Арбатских ворот, в Калашном переулке. (...) Тут можно было слышать изумительные квартеты и вообще концерты, литературные чтения, о которых много говорили в Москве (...) Тургенев дружил с В. Н. Кашперовым и его супругой Аделаидой Николаевной, очаровательной хозяйкой, умнейшей женщиной и тонким художественным критиком, к голосу которого все прислушивались. Тургенев останавливался, когда приезжал в Москву, у Масловых, живших на Пречистенском бульваре. У Кашперовых Иван Сергеевич читал свои новые произведения (...) Когда у Кашперовых ждали Тургенева, чувствовалась какая-то суетня, торжественность. Редкий гость! Когда показывалась фигура Ивана Сергеевича, его встречали не только хозяйка, но и их семья и приглашенные. Москва чуть не в тот же день знала, что Тургенев провел несколько часов у Кашперовых и даже прочел какой-то отрывок из написанного нового рассказа. Москвичи словно следовали за писателем, зная у кого он был и где его ждут» (А. Плещеев. Виденное и слышанное. — «Возрождение», Париж, 1936, № 3964, 10 апреля).

² Имеется в виду статья Б. М. Маркевича «Три последние произведения г. Тургенева», напечатанная в «Русском вестнике», 1874, № 5. В ней с реакционных позиций разбирались рассказы «Живые мощи», «Наши послани!» и «Пунин и Бабурин». Тургенев писал П. В. Шумахеру 5/17 июня 1874 г. из Спасского: «... Катков имеет особую способность — присущую, впрочем, всем ренегатам — воспитать себе клеветников, которые за него с азартом лезут в грязь. Черт с ним и с ними».

^{8*} Далее зачеркнуто: правдивее

^{9*} Первоначально: переда(ст)